

Все приглашенные служили в уездной управе. Правда, все они были простыми служками. Дин Тянь хорошо умел считать и знал, что по правилам три смены уездных служителей должны насчитывать не менее тридцати-сорока человек — и это без учета тюремных стражников и главного тюремщика.

Но сейчас... Какое там три смены! Хорошо, если на одну полную наберется.

В управе не было даже главного констебля. Обычные служки да констебли — вот и весь штат. Ни командиров отрядов, ни старших. Единственным «начальником» во всей этой честной компании оказался он сам — новоиспеченный пятнадцатилетний маленький тюремщик Дин!

Больше всего Дин Тяня удручало другое: неужели те двое стражников, что остались дежурить в тюрьме, и есть все его подчиненные?

Среди собравшихся за столом не было ни одного тюремного стражника. Из восемнадцати гостей восемь служили констеблями, а остальные десять — обычными служками управы.

И самым высокопоставленным человеком здесь, за праздничным столом, был он сам — пятнадцатилетний юнец, оплачивающий пирушку.

Дин Тяню ничего не оставалось, как радушно приветствовать гостей и подливать им вина. Впрочем, те были слишком увлечены едой, чтобы обращать внимание на условности. Казенная стряпня в управе, хоть и не давала умереть с голоду, особым обилием жира и мяса не отличалась. Полакомиться настоящим, сочным мясом удавалось редко, так что этот ужин для многих стал настоящим праздником, не уступающим Новому году.

Жэнь Цин и остальные уплетали угощения так, что жир тек по подбородкам. Разумеется, приятные слова лились рекой, но Дин Тянь понимал: ласковые речи говорить горазд каждый, а вот как сложатся их отношения на службе — покажет время.

Сам юноша тоже не отставал. Кулинарное мастерство повара этого заведения и впрямь заслуживало похвалы. Конечно, еда уступала изыскам из его прошлой жизни, но по здешним меркам вкус был превосходным.

Да и как иначе? Будь местная кухня посредственной, хозяева вряд ли смогли бы содержать такой просторный трактир.

После войны повсюду царил упадок. Лишь спустя три года земля начала постепенно оживать, наполняться прежними соками, но до былого процветания оставалось еще далеко. В древние времена восстановление хозяйства всегда продвигалось черепашим шагом.

Но все-таки это был уездный город, хоть и отстроенный заново. Жизнь в нем понемногу налаживалась, иначе откуда бы взялось столько мяса на столах?

Когда пир подошел к концу, захмелевшие гости засобирались домой. Дин Тянь, проявив житейскую мудрость, вручил каждому на прощание по жареной курице, заботливо завернутой в сухой лотосовый лист.

— Возьмите с собой, — с улыбкой произнес он. — Завтра с непривычки голова точно будет раскалываться. Съедите с утра горяченького — сразу полегчает.

Гости дружно рассмеялись:

— Ишь ты, мал еще, а в похмелье толк знаешь!

— От отца слышал, сам-то я в этом мало что смыслю, — скромно отозвался Тянь-эр.

Юноша был еще слишком молод, поэтому гости не стали втягивать его в хмельные состязания. Дин Тянь лишь вежливо подливал им вино, предлагал лучшие кусочки и ухаживал за столом. А к предупредительному и заботливому юноше никто не станет относиться плохо.

— Ладно, раз Тянь-эр так просит, не будем отказываться, — добродушно пробасил Жэнь Цин.

Только после его слов остальные приняли подарки, чрезвычайно довольные такой щедростью.

Пусть маленький тюремщик Дин и молод, но дела вести умеет — этого у него не отнять.

Проводив гостей, Дин Тянь расплатился. Кошелек заметно опустел, но дело того стоило.

Захватив свою порцию жареной курицы, он вернулся в уездную управу. Усталость навалилась свинцовой тяжестью. Кое-как ополоснувшись, юноша скинул одежду и забрался под теплое одеяло. Завтра начинался его первый официальный рабочий день.

На следующее утро криков петухов слышно не было. В уездном городе, а особенно на территории управы, держать птицу строго запрещалось. Впрочем, Дин Тяню петухи были не нужны — привычный распорядок дня давно выработал у него внутренние часы. Проснувшись, он умылся и поспешил на кухню.

Отныне это место станет его личной столовой.

Отыскав небольшой котелок, он сварил жидкую пшеничную кашу, накрошил туда остатки вчерашней курицы и, хорошенько прогрев, плотно позавтракал. Прибрав за собой, Дин Тянь вернулся в комнату, чтобы облачиться в служебное платье главного тюремщика Дина.

Ростом юноша пока не вышел, поэтому форменную одежду Вторая и Третья тетушки перешили специально под него. С виду ткань ничем не отличалась от казенного платья остальных служащих, но на ощупь была мягкой и плотной. Тетушки сшили ее из качественного хлопка вместо грубой пеньки, так что новое платье отлично защищало от сквозняков и хорошо держало тепло.

Поправив шапку и коснувшись рукояти висевшего на поясе клинка, Дин Тянь решительно переступил порог. Он огляделся по сторонам — вокруг не было ни души.

«Странно...» — подумал он.

За завтраком он сидел в одиночестве — это еще можно было понять, ведь его подчиненные могли уйти столоваться в другое место. Но ведь пришло время заступать на службу! Почему же никого нет?

На душе у Дин Тяня похолодело от раздражения. Неужели эти бездельники решили показать характер только потому, что их начальник слишком молод?

Похоже, в любые времена — хоть в далеком прошлом, хоть в технологичном будущем — на службе не избежать офисных интриг и подковерной борьбы.

Впрочем, навязываться он не собирался. В конце концов, главный тюремщик Дин здесь он, и власть над тюрьмой принадлежит ему. Гордо расправив плечи, Дин Тянь уверенно зашагал к тюремным воротам.

Тюремные ворота поражали своей суровой монументальностью. Тяжелые створки были сколочены на совесть.

На массивных дверях красовались кованые рельефы в виде тигриных голов Бианя, сжимающих в пасть тяжелые кольца. Древние предания гласили, что Биань, также именуемый Сяньчжаном, — это седьмой сын великого Дракона, повелитель чешуйчатых тварей и священный страж справедливости.

Обликом он походил на грозного тигра и питал непреодолимую страсть к судебным тяжбам. Обладая великой силой, Биань издревле охранял темницы и судилища, наводя ужас на преступников.

В древнем трактате «Канон Дракона» говорилось: «Биань радует о законе, и имя ему — Сяньчжан». Легенды воспевали его как защитника слабых, способного безошибочно отличать

правду ото лжи и вершить правый суд. Грозный вид этого зверя заставлял трепетать сердца виновных, поэтому его изваяния украшали не только тюремные врата, но и залы судебных заседаний по обе стороны от судейского помоста.

Говорили, что всякий раз, когда чиновники управы вершили суд, изображение Бианя незримо восседало над их головами, а его суровый, всевидящий взгляд следил за порядком, оберегая священное правосудие от скверны и лжи.

<http://bllate.org/book/19387/1988188>